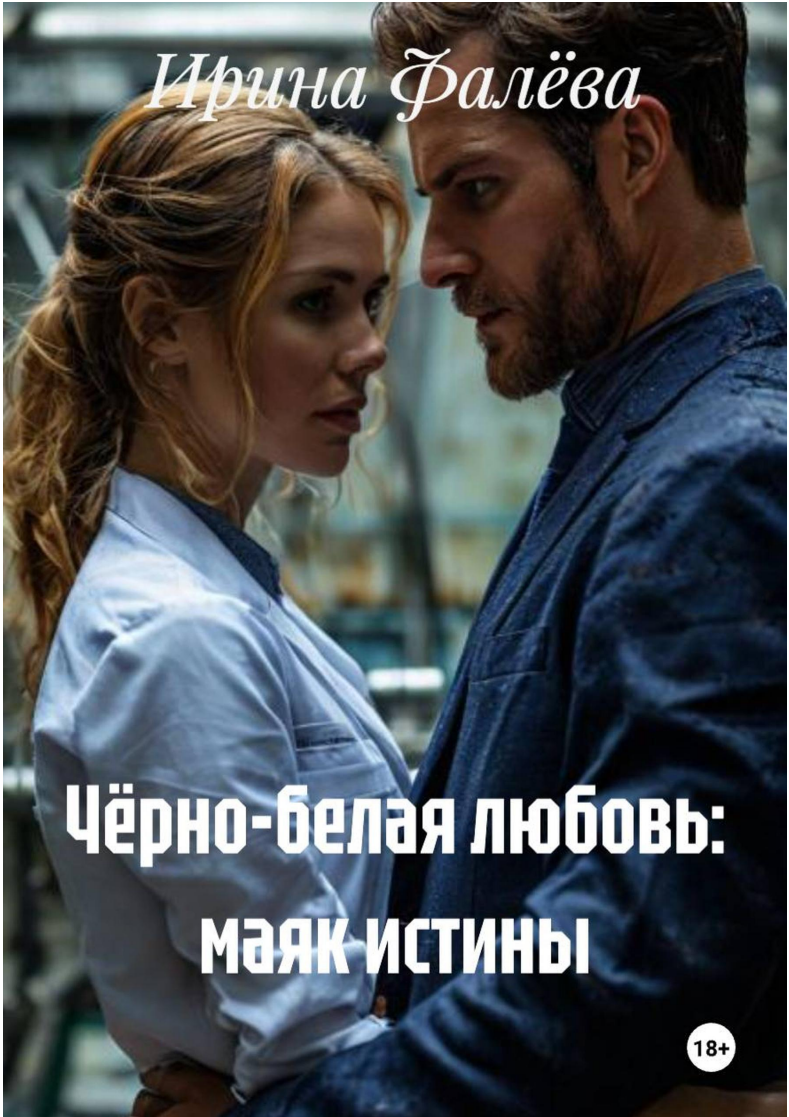

Ирина Фалёва
Чёрно-белая любовь:
маяк истины
18+

Ирина Фалёва

Чёрно-белая любовь: маяк истины

https://litres.ru/73456741
SelfPub; 2026

Аннотация

Она — Алина, талантливый хирург, чей мир стерилен и светел. Он — Марк, безжалостный наёмник, ставший тенью в руках жестокого тирана. Случайная встреча в операционной превращается в смертельный приговор: Алина становится пленницей в особняке клана Асланов.

Чтобы выжить, врачу и палачу придётся заключить союз. Впереди — побег через штормовое море, выживание на необитаемом острове и поиски «Комнаты Безмолвия», где десятилетиями скрывались тайны их отцов. Сможет ли Алина исцелить сердце того, кто разучился чувствовать? Станет ли древнее кольцо матери Марка ключом к их свободе или их общей могилой?

Вас ждёт грандиозная сага об искуплении, где «чёрное» прошлое встречается с «белым» милосердием. Когда рушатся империи и горят особняки, единственным ориентиром остаётся свет маяка и пульс того, кого ты поклялась спасти.

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ АВТОРА (18+) 4
Глава 1. Цена клятвы 5
Глава 2. Хозяин тени 10
Глава 3. Между ударами сердца 13
Глава 4. Золотая клетка с привкусом железа 16
Глава 5. Завтрак с дьяволом 19
Глава 6. Проблеск человечности 22
Глава 7. Огненный занавес 25
Глава 8. Убежище в тумане 28
Глава 9. Шёпот пепла 32
Глава 10. Ржавое утро 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Ирина Фалёва
Чёрно-белая любовь: маяк истины

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ АВТОРА (18+)

Внимание! Данное произведение является художественным вымыслом и предназначено исключительно для совершеннолетней аудитории.

Книга содержит сцены психологического и физического давления, описания криминального мира, а также детальные медицинские подробности операций, проводимых в экстремальных условиях. Автор не преследует цель романтизировать насилие. Главная тема романа — трудный путь искупления, трансформация человеческой души и победа милосердия над жестокостью.

Если вы чувствительны к темам похищения, тёмного прошлого героев или медицинского натурализма, пожалуйста, приступайте к чтению с осторожностью.

Приготовьтесь: свет маяка укажет путь, но сначала нам придётся пройти через самую глубокую тьму.

Глава 1. Цена клятвы

Яркий свет бестеневых ламп бил по глазам, выжигая всё, что находилось за пределами операционного стола. Для Алины в этот момент мир сузился до размеров рваной раны в области грудной клетки пациента. Стук приборов, мерное пиканье монитора и тяжёлое, прерывистое дыхание ассистента — вот и вся её музыка.

— Зажим, — коротко бросила она. Голос прозвучал хрипло, но твёрдо.

Её пальцы в окровавленных перчатках двигались уверенно, почти механически. Прошло уже пять часов. Спина затекла, а маска на лице казалась пропитанной свинцом, но Алина не имела права на слабость. В этом стерильном храме она была главным жрецом, единственной преградой между этим бедолагой и тёмным небытием.

— Давление падает! — выкрикнула медсестра.

— Адреналин, быстро, — Алина даже не подняла головы. — Мы его не отпустим. Только не сегодня.

Секунды растянулись в вечность. Писк монитора перешёл в ровный, пугающий гул, а затем, после мучительной паузы, снова превратился в спасительный ритм. Тук. Тук. Тук.

Алина выдохнула, чувствуя, как под шапочкой по виску скатывается капля пота. Она сделала это. Смерть в очередной раз отступила, огрызнувшись напоследок холодом в опе-

рационной.

Спустя полчаса, стягивая липкие перчатки в предоперационной, она смотрела на свои руки. Они слегка дрожали. Это был не страх — просто выплеск адреналина. Она любила это ощущение: когда ты возвращаешь человека с того света, мир кажется удивительно правильным и чётким. Чёрное — это смерть, белое — это жизнь. И она всегда выбирала второе.

— Алина Сергеевна, вас к главному, — в дверях показалась заспанная санитарка. — Там машина приехала. Говорят, срочный вызов на дом.

— Какой вызов? Я только из операционной, — Алина нахмурилась, вытирая лицо полотенцем. — Пусть отправят дежурную бригаду.

— Велено именно вас. Сказали, дело жизни и смерти, а гонорар покроет бюджет всей больницы за год.

Алина горько усмехнулась. Жизнь и смерть не имели цены в её понимании, но приказы руководства не обсуждались. Она ещё не знала, что, переступив порог больницы и садясь в тонированный чёрный автомобиль, она навсегда оставляет «белый» мир за спиной. Впереди её ждала тьма, у которой было конкретное имя.

Алина вышла на крыльцо больницы, и ночной воздух, пропитанный запахом бензина и цветущих лип, ударил в лицо. У бордюра, поплёвывая дымом из выхлопной трубы, замер массивный чёрный внедорожник. Стекло медлен-

но поползло вниз, обнажая лицо мужчины в тёмных очках, несмотря на глубокую ночь.

— Алина Сергеевна? Садитесь.

Это не был вопрос. Это был приказ, завёрнутый в вежливую форму. Алина помедлила, крепче сжала ремешок своей медицинской сумки, в которой позвякивали ампулы.

— Я должна ехать на карете скорой помощи, если случай экстренный... — начала она, но мужчина прервал её коротким жестом.

— Инструменты у вас с собой. Остальное есть на месте. Поехали. Времени нет.

Как только дверь за ней захлопнулась, салон наполнился запахом дорогой кожи и чего-то острого, напоминающего порох или крепкий табак. Машина сорвалась с места так резко, что Алина откинулась на спинку сиденья. Городские фонари замелькали за окном жёлтыми штрихами.

Она пыталась заговорить, выяснить детали состояния пациента, но водитель молчал, словно каменное изваяние. Алина смотрела, как привычные кварталы со светлыми вывесками аптек и кофеен сменяются промзоной, а затем и вовсе исчезают, уступая место густому подмосковному лесу.

«Куда мы едем? Это уже за чертой города», — пронеслось в голове. Тревога, до этого тонкая, как нить, начала превращаться в тугой канат, стягивающий горло.

Дорога становилась всё более извилистой. Внедорожник подпрыгивал на ухабах, и свет фар выхватывал из темноты

лишь голые стволы деревьев, похожие на костлявые руки. Алина заметила, что водитель то и дело поглядывает в зеркало заднего вида, словно проверяя, нет ли хвоста. Это не было похоже на визит к богатому клиенту. Это было похоже на побег.

В какой-то момент связь на телефоне исчезла. Алина смотрела на пустые деления антенны на экране, и внутри неё всё похолодело. Она была одна, в глухом лесу, с молчаливым незнакомцем, и никто в больнице не знал точного адреса, куда её повезли.

Через сорок минут бесконечного пути деревья расступились, и впереди вырос массивный бетонный забор, увенчанный колючей проволокой. Тяжёлые ворота открылись бесшумно, поглощая машину. Алина увидела тени людей — они не были похожи на охранников частного дома. В их позах, в том, как они держали руки у пояса, сквозила профессиональная готовность убивать.

Машина остановилась перед мрачным особняком, где свет горел только в одном окне на верхнем этаже. Водитель повернулся к ней, и его очки блеснули в лунном свете.

— Помните, доктор. Ваша задача — спасти человека. Лишние вопросы здесь сокращают жизнь. Выходите.

Алина сглотнула сухой ком. Она спасла сотни жизней, но сейчас ей впервые показалось, что её собственная жизнь больше ей не принадлежит. Сделав шаг на холодный гравий, она поняла: за этими воротами правила её «белого» мира

больше не действуют. Здесь начиналась территория вечной тени.

Глава 2. Хозяин тени

Тяжёлые дубовые двери распахнулись, и Алина невольно вздрогнула от резкого запаха — смеси свежей крови, пороха и дорогого табака. Комната, в которую её привели, была просторной, но из-за плотно зашторенных окон казалась тесной, как склеп.

В центре, на белоснежных простынях огромной кровати, лежал человек. Его лицо было землистого цвета, а рубашка превратилась в сплошное алое пятно. Вокруг суетились двое мужчин, безуспешно пытаясь остановить кровотечение полотенцами, но стоило Алине сделать шаг вперёд, как её остановил ледяной, почти неживой голос:

— Стой.

Она замерла. Из тени у окна отделился силуэт. Мужчина двигался бесшумно, словно хищник, привыкший охотиться в сумерках. Когда он вышел на свет, Алина почувствовала, как по позвоночнику пробежал холод.

Это был он. Высокий, широкоплечий, в чёрной водолазке, которая подчёркивала жёсткий разворот плеч. Его лицо казалось высеченным из камня: резкие скулы, прямой нос и глаза — тёмные, бездонные, в которых не было ни капли сочувствия. В его руке небрежно, словно продолжение кисти, покоился пистолет.

— Ты — та самая «чудо-хирург»? — Марк (а это был

именно он) окинул её оценивающим взглядом, от которого Алине захотелось прикрыться сумкой, как щитом.

— Я врач, — голос её дрогнул, но она заставила себя выпрямиться. — И если вы не дадите мне подойти к раненому прямо сейчас, через пять минут вам понадобится не хирург, а гробовщик.

Уголок губ Марка едва заметно дёрнулся. Это не была улыбка — скорее, опасный оскал. Он медленно подошёл вплотную. Алина почувствовала его запах — морозный воздух и горький кофе. Он был так близко, что она видела каждую чёрную ресницу, за которыми скрывалась бездна.

Марк поднял пистолет и кончиком холодного ствола коснулся её подбородка, заставляя задрать голову.

— Послушай меня, девочка, — тихо, почти ласково произнёс он. — В этом доме есть только один закон — мой. Тот, кто лежит на кровати — мой брат. Если он выживет, ты уедешь отсюда с полным кошельком. Если его сердце остановится... — он сделал паузу, и щелчок предохранителя прозвучал в тишине комнаты как пушечный выстрел. — Твоё остановится следом. Ты меня поняла?

Алина смотрела прямо в его зрачки. В её мире жизнь была священна. В его мире она была разменной монетой. Но страх внезапно отступил, сменившись профессиональной яростью. Она резким движением оттолкнула его руку с оружием.

— Уберите пушку, — отрезала она, открывая медицин-

скую сумку. — Вы мне мешаете. Живо принесите чистую воду, спирт и побольше света. И уйдите с дороги.

Марк замер, явно не привыкший к такому тону. В комнате повисла звенящая тишина. Подручные затаили дыхание, ожидая вспышки гнева хозяина. Но Марк лишь медленно опустил пистолет и отступил на шаг, не сводя с Алины тяжёлого, изучающего взгляда.

— Работайте, доктор, — бросил он, уходя обратно в тень. — Но помните: я не прощаю ошибок. И я никогда не выпускаю из рук то, что считаю своим.

Алина уже не слушала. Она склонилась над раненым, входя в то особое состояние, когда чувства отключаются, оставляя место только холодному расчёту. Она ещё не знала, что этот мужчина в чёрном только что вынес ей приговор, который гораздо страшнее смерти.

Глава 3. Между ударами сердца

Свет нескольких настольных ламп, которые стащили со всего дома, дрожал, создавая на стенах причудливые тени. Алина действовала быстро. Её пальцы, только что дрожавшие от страха перед Марком, теперь были тверды как сталь.

— Держите его! — крикнула она помощникам Марка, когда раненый забился в конвульсиях от болевого шока. — Сильнее! Если он дёрнется, я задену артерию.

Марк не шевелился. Он стоял у стены, скрестив руки на груди, и внимательно наблюдал за каждым её движением. Его поразило то, как преобразилась эта хрупкая женщина. Минуту назад она едва стояла на ногах от испуга, а теперь командовала его головорезами так, будто они были санитарами-первогодками.

— Пуля прошла навылет, но задела лёгкое, — Алина говорила скорее сама с собой, пропитывая тампоны кровью. — Начинается внутреннее кровотечение. Мне нужен зажим! Чёрт, где мой зажим...Она лихорадочно рылась в сумке. В комнате было слишком жарко, пот застилал глаза.

— Вытри ей лоб, — внезапно раздался голос Марка.

Один из его людей замялся, но Марк сам подошёл к столу. Он достал из кармана чистый платок и коротким, почти грубым движением промокнул лоб Алины. На секунду их глаза встретились — её, полные отчаянной решимости, и его, хо-

лодные, но теперь с проблеском странного любопытства.

— Спаси его, — негромко произнёс он. Это уже не было угрозой. Это была просьба, хотя он вряд ли умел просить.

— Я пытаюсь, — выдохнула она, возвращаясь к ране.

Следующие полчаса превратились в ад. Алина зашивала сосуды, буквально вручную вычерпывая кровь из раны. В какой-то момент монитор (старый, явно украденный откуда-то прибор) издал протяжный писк. Прямая линия.

— Нет, нет, нет! — Алина начала проводить непрямой массаж сердца. — Рано! Ты не умрёшь здесь!

Она давила на грудную клетку всем весом своего небольшого тела. Раз, два, три... Она шептала какие-то слова, то ли молитвы, то ли ругательства. Марк сделал шаг вперёд, его рука легла на рукоять пистолета. Воздух в комнате стал густым, как свинец.

И вдруг — слабый, неровный всплеск на экране. Потом ещё один.

— Есть... — Алина бессильно опустилась на край кровати, её руки по локоть были в крови. — Сердце пошло. Он будет жить.

Она подняла голову на Марка. Тот стоял неподвижно, глядя на брата. На его лице не отразилось облегчения, но напряжение в плечах чуть спало. Он медленно перевёл взгляд на Алину. Она выглядела ужасно: растрёпанная, в окровавленном халате, изнеможённая. Но в этот момент в её «белом» мире она была победителем.

— Ты сделала это, — сказал он, подходя к ней.

— Теперь я могу уйти? — её голос сорвался на шепот.

Марк посмотрел на неё долго и странно. Он понимал, что эта женщина видела слишком много. Она видела его брата, его дом, его людей. И, что более важно, она видела его самого в момент слабости.

— Уйти? — он усмехнулся, и в его глазах снова заплясали тени. — Нет, доктор. Ты только что доказала, насколько ты мне полезна. А я никогда не выбрасываю ценные вещи.

Он повернулся к охраннику:— Отведи её в гостевую комнату. И запри дверь. С этого дня она — личный врач этой семьи.

Алина хотела закричать, броситься на него, но силы окончательно покинули её. Она смотрела, как Марк уходит, и понимала: она спасла жизнь преступнику, и ценой этой победы стала её собственная свобода.

Глава 4. Золотая клетка с привкусом железа

Щелчок замка прозвучал в тишине коридора как выстрел в упор. Алина стояла посреди гостевой спальни, не смея пошевелиться. Комната была обставлена с вызывающей роскошью: тяжёлые бархатные шторы цвета сухого вина, антикварная мебель, кровать, на которой могла бы разместиться целая семья. Но для Алины этот блеск был лишь насмешкой. Стерильная белизна её операционной теперь казалась ей самым уютным местом на свете.

Она подошла к зеркалу в тяжёлой золочёной раме и отпрянула. На неё смотрела тень той уверенной женщины, что заступила на дежурство двенадцать часов назад. Халат был перепачкан кровью — чужой, тёмной, уже подсохшей. Лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени.

— Ты жива, — прошептала она пересохшими губами. — Просто живи дальше.

Она подошла к окну и отдёрнула занавеску. За стеклом была глухая ночь. Свет прожекторов лениво скользил по идеально подстриженному газону, выхватывая из темноты силуэты вооружённых людей. Они не скрывались. Марку не нужно было прятать свою силу — он демонстрировал её как предупреждение.

Алина попыталась открыть створку, но ручка не поддалась. Заперто. Снаружи.

— Мерзавец, — выдохнула она, прислонившись лбом к холодному стеклу. — Высокомерный, бессердечный убийца.

Её мысли невольно вернулись к Марку. Почему он не убил её? Логика его мира диктовала избавиться от свидетеля. Но в его взгляде, когда он вытирал ей пот со лба, было что-то ещё... Не сочувствие, нет. Скорее, жадное любопытство коллекционера, нашедшего редкий экземпляр. Он смотрел на неё не как на человека, а как на инструмент, который может быть полезен. И это пугало больше, чем дуло пистолета.

Она прошла в ванную комнату. Здесь всё тоже было пропитано его присутствием — даже в аромате мыла чувствовался тот самый холодный, мужской парфюм. Алина включила воду на полную мощность. Ей хотелось смыть с себя этот вечер, этот дом и тяжёлый взгляд человека в чёрном.Когда горячие струи коснулись кожи, она не выдержала. Слёзы, которые она сдерживала всё это время, хлынули потоком. Она плакала от бессилия, от страха за брата, который остался один, от того, что её жизнь, выстроенная по линеечке, рассыпалась в прах за одну ночь.

Выйдя из душа, она обнаружила на кровати свежую одежду: простую шёлковую сорочку и халат. Кто-то вошёл в комнату, пока она была в ванной. От этой мысли по коже поползли мурашки. Здесь не было личного пространства. Здесь всё принадлежало ему.

Алина легла на кровать, но сон не шёл. Каждый шорох в коридоре, каждый далёкий лай собак заставлял её вздрагивать. Она прислушивалась к тишине дома, пытаясь угадать, где сейчас Марк. Спит ли он? Или сидит у постели брата, сжимая в руке свой проклятый пистолет?

В какой-то момент ей показалось, что дверь скрипнула. Алина замерла, затаив дыхание. В щели под дверью промелькнула тень. Кто-то стоял там, в коридоре. Долго. Просто стоял и слушал её дыхание.

— Я знаю, что ты там, — прошептала она в пустоту, сжимая край одеяла.

Ответа не последовало. Тень медленно исчезла, а Алина так и осталась лежать, глядя в потолок, пока предрассветные сумерки не окрасили комнату в серый цвет. Это была её первая ночь в мире «чёрного», и она понимала: завтрак с дьяволом будет неизбежен.

Глава 5. Завтрак с дьяволом

Утро в особняке Марка не принесло облегчения. Серое небо за окном давило своей тяжестью, а крики ворон в саду напоминали обрывки дурных предзнаменований. Алина оделась в предложенное платье — простое, тёмно-синее, которое сидело на ней как чужая кожа.

Когда замок на двери щёлкнул, на пороге возник тот самый молчаливый водитель.

— Хозяин ждёт в малой столовой, — бросил он, даже не глядя на неё.

Алина шла по коридорам, и её шаги тонули в ворсе дорогих ковров. На стенах висели картины: мрачные натюрморты и холодные пейзажи. Ни одной семейной фотографии. Ни одной живой детали. Этот дом был памятником одиночеству и власти.

В столовой пахло крепким кофе и жареным хлебом. Марк сидел во главе длинного стола, изучая какие-то бумаги. Перед ним стояла чашка чёрного кофе, к которой он даже не прикоснулся. На нём была белоснежная рубашка с расстёгнутым воротником — контраст с его вчерашним «боевым» образом был разительным, но взгляд остался прежним: тяжёлым и всевидящим.

— Садись, — он указал на стул напротив. — В этом доме не любят ждать.

Алина села, чувствуя, как внутри всё сжимается от праведного гнева.

— Я не гостья, чтобы завтракать с вами, — отчеканила она, игнорируя тарелку. — Я пленница. И я хочу знать, когда это закончится.

Марк медленно поднял глаза. Он отложил бумаги и сцепил пальцы в замок.

— Это закончится тогда, когда мой брат встанет на ноги. Или когда я решу, что ты мне больше не нужна. Первый вариант безопаснее для твоего здоровья, Алина.

— У меня есть работа, семья, пациенты! — она сорвалась на крик, ударив ладонью по столу. — Вы не можете просто стереть человека с лица земли, потому что вам так удобно!

— Могу, — его голос был тихим, но в нём послышался хруст ломающихся костей. — Я стёр города и судьбы поважнее твоей. Твой мир — это иллюзия, Алина. Ты думаешь, что спасаешь людей? Ты лишь оттягиваешь неизбежное. В моём мире всё честнее: здесь либо ты бьёшь, либо тебя зарывают.

В этот момент дверь распахнулась, и в столовую вошла женщина. Высокая, статная, с идеально уложенными волосами, тронутыми сединой. Её глаза были холодными, как арктический лёд. Это была Гюльтен, тётя Марка, истинная правительница этого дома.

— Так это и есть та девчонка, из-за которой в доме столько шума? — Гюльтен окинула Алину брезгливым взглядом, словно увидела пятно на скатерти. — Марк, ты сошёл с ума.

Держать чужую в доме, когда за воротами рыщут волки? Она сдаст нас при первой возможности.

— Она никуда не уйдёт, тётя, — Марк даже не повернул головы. — Она мой врач. И моя гарантия, что Юсуф выживет.

— Твоя гарантия — это пуля в её затылок сразу после того, как Юсуф откроет глаза, — Гюльтен прошла к столу и села, не сводя глаз с Алины. — Ты слишком мягкотел с ней.

Алина почувствовала, как холодный пот катится по спине. В этом доме Марк был не самым страшным зверем. Он был хотя бы понятен в своей жестокости, но эта женщина источала яд, который убивал медленно.

— Ешь, доктор, — Марк пододвинул к Алине тарелку. — Тебе понадобятся силы. Сегодня ты будешь дежурить у постели Юсуфа. И если я замечу, что ты задумала глупость... — он на секунду замолчал, глядя, как она дрожит. — ...я заставлю тебя смотреть, как умирает каждый, кто тебе дорог. Начиная с твоего брата.

Алина замерла. Ложка выпала из её рук.— Откуда вы знаете про моего брата? — прошептала она.

Марк лишь пригубил свой остывший кофе, и на его лице промелькнула тень торжества.— Я знаю о тебе всё, Алина. Цвет твоих детских обоев, имя твоего первого пациента и то, сколько раз ты плакала вчера в душе. Добро пожаловать в мою реальность. Здесь нет тайн. Здесь есть только послушание.

Глава 6. Проблеск человечности

Запах лекарств в комнате Юсуфа смешивался с тяжёлым ароматом ладана — Гюльтен распорядилась окурить помещение, будто это могло выгнать смерть. Алина проверила капельницу. Ритм сердца на мониторе стал ровнее, но больной всё ещё находился в лихорадочном беспамятстве.

Она поправила одеяло, и в этот момент горячая, сухая ладонь Юсуфа судорожно вцепилась в её запястье.

— Мама... — прохрипел он, не открывая глаз. — Не уходи... там темно...

Алина замерла. В этом отчаянном шёпоте не было ничего от той угрозы, которую представлял собой этот дом. Перед ней лежал просто напуганный мальчишка, втянутый в кровавые игры старших. Она мягко накрыла его руку своей.

— Тише, Юсуф. Я здесь. Всё хорошо.

— Она не придёт, — раздался за спиной голос Марка.

Алина вздрогнула и обернулась. Марк стоял в дверном проёме, прислонившись к косяку. На его лице не было привычной маски превосходства — только бесконечная, вековая усталость. Он смотрел на брата так, будто тот был его единственным якорем в этом мире.

— Наша мать умерла двенадцать лет назад, — глухо произнёс он, проходя вглубь комнаты. — На его глазах. Юсуф до сих пор зовёт её, когда ему больно.

Алина почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Этот жестокий человек, который утром угрожал убить её близких, сейчас стоял перед ней с обнажённой душой.

— Мне жаль, — искренне сказала она. — Потерять мать в таком возрасте... это оставляет шрам на всю жизнь.

Марк усмехнулся, но в этой усмешке была только горечь.— В нашем мире шрамы — это медали, Алина. Мой отец научил меня: если хочешь, чтобы тебя не ранили, убей в себе всё, что может чувствовать. Юсуф... он другой. Он не должен был быть в той машине. Это предназначалось мне.

Он сел на край кровати брата и осторожно, почти невесомо, коснулся его волос. Этот жест был настолько нежным и нелепым в исполнении наёмника, что у Алины перехватило дыхание.

— Вы любите его, — констатировала она.

— Любовь — это слабость, — резко отрезал Марк, мгновенно возвращая себе холодный тон. — Но он — всё, что у меня осталось от того времени, когда небо было голубым, а не серым от порохового дыма. Ты должна поставить его на ноги. Слышишь? Любой ценой.

Алина подошла ближе. Теперь их разделяло лишь тело раненого Юсуфа.

— Знаете, Марк... Вы строите из себя дьявола, но дьявол не умеет так смотреть на брата. Почему вы выбрали этот путь? Почему кровь стала вашим ремеслом?

Марк поднял на неё глаза. В тусклом свете лампы они ка-

зались чёрными провалами.— Потому что когда твой дом сжигают вместе с твоим детством, у тебя есть выбор: либо стать пеплом, либо стать тем, кто держит факел. Я выбрал второе.

Он резко встал, словно испугавшись собственной откровенности.— Следи за ним. И не пытайся лезть мне в душу, доктор. Там давно выжженная земля.

Марк вышел, захлопнув дверь, а Алина осталась стоять в тишине. Она прикоснулась к своему запястью, где ещё чувствовалось тепло руки Юсуфа, и вдруг поняла: её «чёрно-белый» мир начал давать трещины. За непроницаемой чернотой Марка скрывалась боль, которую она, как врач, не могла игнорировать.

Глава 7. Огненный занавес

Тишина особняка, к которой Алина начала привыкать, взорвалась внезапно. Сначала издалека донёсся сухой треск, похожий на лопающийся шифер, а через секунду дом содрогнулся от глухого удара. Стекло в комнате Юсуфа жалобно звякнуло и осыпалось острыми кристаллами на ковёр.

— Что это?! — Алина вскочила, закрывая собой спящего пациента.

Дверь в комнату не просто открылась — она влетела внутрь вместе с Марком. Он был без пиджака, в кобуре поверх рубашки, с лицом, превратившимся в маску из застывшей ярости.

— На пол! Живо! — рявкнул он, хватая её за плечо и буквально сминая под кровать.

— Там Юсуф! Ему нельзя двигаться! — закричала она, пытаясь вырваться.

— Замолчи! — Марк накрыл её своим телом, прижимая к ворсистому ковру.

Снаружи послышались крики, топот тяжёлых ботинок и частые, захлёбывающиеся очереди автоматов. Пули дырявили дорогие шторы, выбивая щепу из антикварных шкафов. Алина чувствовала, как бешено колотится сердце Марка. Он был горячим, как раскалённая сталь, и от него исходил запах пороха и холодного расчёта.

— Слушай меня внимательно, — он приподнял голову, его глаза горели тёмным огнём. — Сейчас мои люди отвлекут их на западном крыле. Я выведу тебя и Юсуфа через подвал. Если отстанешь хоть на шаг — я не вернусь. Поняла?

— Вы бросите меня? — в её голосе, вопреки страху, прорезался вызов.

— Я никогда не бросаю то, что принадлежит мне, — отрезал он. — Но если ты подставишься под пулю, я не стану оплакивать твою глупость.

Он поднялся, выхватил пистолет и выпустил три пули в окно, подавляя точку стрелка снаружи. Затем, подхватив брата на руки вместе с простынями, он кивнул Алине:— Беги за мной. И не смей оборачиваться.

Они неслись по тёмным коридорам, мимо перевёрнутой мебели и битых ваз. Алина видела кровь на стенах — кто-то из охраны Марка уже пал. В холле она мельком заметила Гюльтен: тётя стояла с маленьким дамским револьвером в руках, и её лицо было белее мраморных статуй вокруг.

— Уводи его, Марк! — крикнула она. — Я задержу их здесь!

— Уходи в бункер, тётя! — бросил он на ходу.

Они нырнули в узкую дверь за лестницей, ведущую в подвальные помещения. Здесь пахло сыростью и старым камнем. Алина задыхалась, её лёгкие жгло, но вид широкой спины Марка, уверенно прокладывающего путь сквозь хаос, придавал ей сил.

Когда они оказались в подземном гараже, Марк уложил Юсуфа на заднее сиденье бронированного седана.— Забирайся внутрь. Проверь его состояние. Быстро!

Алина запрыгнула в салон. Юсуф был бледен, повязка на его груди снова начала пропитываться красным.— Ему плохо, Марк! Началось кровотечение! Нам нужны условия, а не эта консервная банка!

Марк сел за руль, вдавил педаль в пол, и машина с рёвом вылетела из гаража, пробивая хлипкие деревянные ворота.— Условий не будет, доктор. Нас предали. Сейчас весь город — это зона охоты. И ты — единственная, кто может удержать его на этом свете, пока я буду убивать тех, кто это затеял.

Машина неслась по ночному шоссе, а позади, над лесом, поднималось зарево — особняк горел. Алина смотрела на огонь и понимала: мосты сожжены. Теперь она не просто пленница, она — соучастница в войне, которой нет конца.

Глава 8. Убежище в тумане

Дорога петляла серпантином, уходя всё выше в горы. Машина Марка, изрешечённая пулями, тяжело урчала, выбрасывая клубы пара из-под капота. Алина, зажатая на заднем сиденье между инструментами и слабеющим Юсуфом, чувствовала каждый поворот всем телом.

— Он теряет сознание, Марк! — крикнула она, прижимая окровавленную салфетку к ране парня. — Нам нужно остановиться! Его пульс нитевидный, я не смогу поставить капельницу в этой тряске!

Марк не ответил. Его руки, сжимавшие руль, побелели. В зеркале заднего вида Алина видела его глаза — в них отражалось зарево далёкого пожара и холодная решимость. Он выжал педаль в пол, и внедорожник, издав предсмертный хрип, вылетел на лесную просеку.

Перед ними возник охотничий домик — приземистое строение из почерневшего от дождей дерева, скрытое в густом сосновом тумане.

— Выходи! Живо! — Марк заглушил мотор. Тишина, обрушившаяся на них после грохота погони, показалась оглушительной.

Он подхватил брата на руки, словно тот ничего не весил, и ногой выбил дверь хижины. Внутри пахло пылью, сушёными травами и старым железом. На стенах висели пожелтев-

шие фотографии и чьи-то трофеи — пустые глазницы оленей смотрели на ворвавшихся людей с немым укором.

— Клади его на стол! — распорядилась Алина, мгновенно включая режим врача. — Мне нужен свет. Много света. И горячая вода.

Марк молча выполнял её команды. Он разжёг камин, и оранжевые блики заплясали по бревенчатым стенам, выхватывая из темноты их лица. Алина видела, что его плечо тоже пропиталось кровью, но он не произнёс ни звука.

— Марк, вы ранены... — начала она, заметив, как он поморщился, наливая воду в котелок.

— Занимайся Юсуфом, — отрезал он, даже не взглянув на неё. — Моя жизнь не стоит и половины его жизни.

Следующие три часа стали для Алины испытанием на прочность. В этом забытом богом месте, под завывание ветра в трубе, она совершала чудо. Без ассистентов, без стерильной операционной, используя лишь то, что было в её сумке и старой аптечке дома.

Марк стоял рядом, подавая инструменты. Его пальцы иногда касались её пальцев, и этот случайный контакт обжигал сильнее, чем горячая вода. Алина чувствовала его дыхание у себя над ухом, видела, как капля пота катится по его виску. В этот момент они были не похитителем и жертвой, а двумя союзниками в битве против вечного мрака.

Когда последняя скоба легла на рану Юсуфа, Алина бессильно опустилась на табурет. Её руки дрожали так сильно,

что она не могла удержать стакан с водой.

— Он спит. Кризис миновал, — прошептала она.

Марк подошёл к ней сзади. Его тяжёлая ладонь легла ей на плечо. Алина ожидала угрозы, приказа, привычной грубости, но вместо этого почувствовала странное, непривычное тепло.

— Почему ты не дала ему умереть? — тихо спросил он. — Это был твой шанс. Если бы он погиб, я бы, скорее всего, убил тебя, и всё бы закончилось. Тебе не пришлось бы терпеть меня.

Алина медленно повернула голову. В полумраке хижины лицо Марка казалось менее хищным. В нём проступила глубокая, застарелая печаль.

— Я врач, Марк. Я не выбираю, кому жить. Я спасаю жизнь, потому что она бесценна. Даже если эта жизнь принадлежит брату чудовища.

Марк усмехнулся, и на этот раз в его глазах не было льда.

— А если чудовище захочет спасти тебя, Алина? Что тогда скажет твой «белый» мир?Он потянулся к её лицу, и Алина замерла, не в силах пошевелиться. Его пальцы, грубые и мозолистые, осторожно коснулись её щеки, стирая пятнышко крови. Воздух между ними наэлектризовался так, что, казалось, вот-вот полетят искры.

В этот момент за окном раздался хруст веток. Марк мгновенно отпрянул, его рука молниеносно выхватила пистолет. Романтика исчезла, уступив место привычной паранойе.

— Сиди здесь. И не смей зажигать лампу, — прошипел он, растворяясь в тенях у двери.

Алина осталась одна у камина, глядя на спящего Юсуфа. Она понимала: с каждой минутой в этом лесу она всё больше привязывается к человеку, который разрушил её жизнь. И эта связь была опаснее любой пули.

Глава 9. Шёпот пепла

Марк вернулся через час. Его силуэт возник в дверном проёме бесшумно, словно сотканный из густого горного тумана. Одежда намокла от росы, а на скуле виднелась свежая ссадина, но взгляд оставался стальным. Он запер дверь на тяжёлый засов и, не говоря ни слова, бросил на стол охапку сухих веток.

— В лесу чисто, — коротко бросил он, снимая промокшую куртку. — Но это ненадолго. Эмир не успокоится, пока не увидит мой труп.

Алина сидела у камина, обхватив плечи руками. Оранжевые отблески пламени плясали на её лице, подчёркивая бледность кожи.

— Кто такой Эмир? — тихо спросила она. — Почему он так ненавидит вас?

Марк замер у камина, глядя на огонь. В его зрачках отражалось пламя, и в этот момент он сам казался частью этой стихии — разрушительной и неукротимой.

— Эмир был моим братом по крови. Не по рождению, как Юсуф, а по клятве. Мы вместе выросли на этих улицах, вместе делили последний кусок хлеба. Но власть... — он усмехнулся, и этот звук был сухим, как треск полена. — Власть — это яд, Алина. Она превращает людей в крыс. Он предал меня, когда понял, что я не позволю ему торговать жизнями

детей.

Алина внимательно смотрела на него. Это было первое признание Марка, которое не касалось угроз.

— Значит, у вас всё же есть границы? — она приподнялась. — Вы убиваете, похищаете людей, но проводите черту на детях?

Марк резко обернулся. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от её лица. Она почувствовала запах дождя и горького табака, исходящий от его кожи.

— Не пытайся сделать из меня героя, доктор. В моей книге нет белых страниц. Я — чернота, которая поглощает всё вокруг. И тебе лучше держаться от этой черноты подальше.

— Поздно, — прошептала Алина, не отводя взгляда. — Вы сами привели меня сюда. Вы связали наши судьбы узлом, который не разрубить пулей.

В комнате повисла тяжёлая, душная тишина. Воздух, казалось, вибрировал от напряжения. Марк медленно протянул руку и коснулся пряди её волос, выбившейся из причёски. Его пальцы были холодными, но прикосновение обожгло Алину до самого сердца.

— Ты — свет, Алина, — его голос стал хриплым. — А свет в моём мире долго не живёт. Он либо гаснет, либо ослепляет.

Он резко отстранился, словно испугавшись собственной слабости, и ушёл в дальний угол хижины, где стояла старая кровать.

— Спи. Завтра будет тяжёлый день. Я буду дежурить у окна. Если Юсуфу станет хуже — зови.

Алина легла на узкую кушетку у камина, но сон не шёл. Она слушала мерное дыхание Юсуфа и тихие, тяжёлые шаги Марка у окна. Она понимала, что этот человек — её враг, её тюремщик. Но в то же время он был единственным, кто сейчас стоял между ней и настоящим хаосом.

Где-то далеко в лесу ухнула сова, и Алине показалось, что это плачет сама её прошлая жизнь, которая окончательно превратилась в пепел.

Глава 10. Ржавое утро

Рассвет над горами не принёс тепла. Он выполз из-за пиков серым, липким туманом, который просачивался сквозь щели в бревенчатых стенах. Алина проснулась от резкого звука — Марк загонял патрон в патронник своей винтовки. Его движения были выверены до миллиметра, лишённые всяких эмоций.

— Вставай, — не оборачиваясь, бросил он. — Юсуф пришёл в себя. У нас есть десять минут, чтобы напоить его и сменить повязку. Потом мы уходим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.